

Этнографическое содержание Мамонской традиционной свадьбы.

О песенных традициях Воронежского края сложилась давняя и громкая слава, во многом благодаря популяризаторской и собирательской деятельности знаменитого земляка Митрофана Пятницкого. Однако воронежские песни крайне слабо представлены в публикациях и практически не изучены, хотя волна угасания и угроза полного исчезновения традиционной песенной культуры накрыла и этот казавшийся неиссякаемым родник народного искусства.

Воронежская область входит в южнорусскую историко-культурную зону, но в этническом и этнографическом смыслах достаточно пестра, благодаря сравнительно поздней и многоэтапной колонизации края. Здесь можно услышать украинскую и русскую речь, существенно различаются народные костюмы разных районов и музыкальные диалекты.

Мамонская песенная традиция охватывает русские села одного из южных районов – верхнемамонского и относится к традициям очагового типа. В ней удивительным образом переплетаются черты яркого стиля воронежско-белгородского пограничья, центрально-воронежской песенной стилевой зоны, казачьей традиции, поднявшейся с низовьев Дона, и песенной культуры украинских переселенцев, расселившихся на юге Воронежской области.

Как следует из исторических документов, земли в пределах современного верхнемамонского района до начала 18 века представляли собой незаселенную территорию среднего Подонья, входившую в IX веке в состав Хазарского каганата, в XIII – в царство Золотой Орды, а после ее разгрома превратившуюся в «дикое поле». Под названием *Белозатонский ухожей* или *Белозатонский юрт* эти земли воронежским воеводой сдавались в аренду для рыбной ловли и пушного промысла воронежскому стрельцу Сазонову, о чем свидетельствует «Дозорная книга» 1615 года, затем воронежскому монастырю.

После основания Петром I в 1709 году Осередской верфи и города Осереда (позже переименованного в г. Павловск), началась интенсивная колонизация свободных земель среднего Подонья. В 1723 году на свободных землях в устье реки Мамони однодворцами из села Хлевно (под Воронежем) было основано селение Мамон.¹ Название реки, как и других небольших речушек и озер - русское, хотя само слово «мамона», означающее богатство, сокровища, заимствовано из греческого языка, а туда, в свою очередь, попало из древнееврейского. Как считает историк Прохоров В.А., «небольшая речка Мамоновка такое название получила, скорее всего, потому, что это было хорошее охотничье угодье, местность с плодородной землей».² В колонизации края участвовали и дальние переселенцы, например, из города Данков Рязанской губернии, о чем свидетельствует местная топонимика: часть села до сих пор называется Данковкой в память о родине поселенцев.

В первой половине 18 века выходцы из Мамона основали новое селение ниже по течению Дона, которое стало именоваться Нижний Мамон в отличие от старого села – Верхнего Мамона. Нижнемамонцы в свою очередь основали на противоположном правом берегу

¹Подробнее об истории заселения края в книге краеведа Н.Сыроватского «История Верхнемамонского района», Воронеж, 1990.

²Прохоров В.А. Вся Воронежская земля: краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1979, с.57.

Дона Осетровку. На правом же берегу Дона возникло и село Дерезовка, получившее название от зарослей колючих кустарников – дерезняков. Село Русская Журавка появилось во второй половине XVIII века в Журавлином логу и стало называться Русской, поскольку неподалеку располагалась еще одна Журавка, где проживают переселенцы с Украины.

Именно в этих селах в 1991, 1994 годах во время фольклорных экспедиций Воронежского государственного университета (ВГУ) и Воронежского государственного института искусств (ВГИИ) были сделаны записи, послужившие основным полевым материалом для настоящего сборника. В 1995 году была проведена третья экспедиция ВГИИ. При подготовке издания были так же изучены архивные материалы ВГУ экспедиций 1974 и 1980 годов. Песни были записаны преимущественно от бытовых ансамблей, отдельных исполнителей, а так же от известного концертирующего фольклорного ансамбля «Данкори» (от названия местности – «Данковка»).

Все меньше остается людей, помнящих старинные обряды и песни, местные традиции стремительно угасают, упрощаются, теряют красочность многоголосия, поскольку ансамблевые формы исполнения все чаще сменяются сольными. Мы пришли к такому выводу, сравнивая наши записи с более ранними. В 1985 году фольклорная комиссия при Союзе композиторов РСФСР выпустила небольшим тиражом нотный сборник «50 русских народных песен сел Верхний Мамон и Россось Воронежской области» под редакцией Е. Гиппиуса и А.Медведева, куда вошли нотные расшифровки Е.Кустовского. Аудиозаписи для этого сборника были сделаны в 70-х годах известным собирателем П.А.Макиенко вместе со своими учениками – учащимися Воронежского музыкального училища. Из 33 опубликованных песен – 15 протяжных, 11 – свадебных, 6 – относятся к хороводным и плясовым, 1 – страдания «под язык». Сборник не содержит ни этнографического комментария, ни научного анализа публикуемого материала, кроме небольшого вступления с самыми общими сведениями о селах и традициях.

Итак, опираясь на сообщения информаторов, архивы ВГУ, вышеупомянутый нотный сборник, сегодня можно считать «утраты» в мамонской песенной культуре. Наибольшие потери «понесла» протяжная песня: в активном репертуаре бытовых ансамблей от бывшего богатства и разнообразия осталось 5-7. Их место уверенно заняла поздняя лирика с ее мещанскими романсами и бытовыми балладами. Календарный фольклор, занимавший здесь всегда периферийное место в системе жанров, практически не сохранился. Плясовые песни как бы «выбрасываются из памяти» в силу особенностей пожилого возраста исполнителей как неподобающе несерьезные и уже информаторами неохотно вспоминаются. Зато свадебные песни у носителей фольклора вызывают ностальгическую тоску по красоте, мудрости, целесообразности свадебного обряда и сопровождающих его песнях. Удалось достаточно подробно восстановить весь ход традиционной свадьбы.

Несмотря на неутешительный прогноз, относительно сохранения русской традиционной культуры, есть надежда, что мамонская народная песня возродится из простых полузабытых музыкальных формул-напевов в расцветенное яркими звуковыми красками новое исполнительство, поскольку молодежь проявляет интерес к старинным песням своих бабушек и дедов.

Традиционная мамонская свадьба относится к южнорусскому типу («свадьба-веселье» в отличие от северорусского типа «свадьба-похороны»), и сохраняет все основные моменты свадебной игры, отличаясь лишь некоторыми локальными проявлениями. Весь восстановленный сценарий характеризует состояние свадебного обряда примерно на 30-е годы XX века. Именно в то голодное неустроенное время, к тому же отягощенное социальными переменами на селе – сплошной коллективизацией, но по возможности следуя традиции, наши информаторы играли собственные свадьбы. Уже в тот период многие традиционные

моменты свадебного действия подверглись трансформации, нововведениям, о чем рассказчики постоянно подчеркивали: «...а вот в старину, бывало...» или «еще моя бабушка говорила...».

Основными информаторами стали: в селе Верхний Мамон - Казакова Полина Ивановна 1917 года рождения, Копенкина Соломонида Митрофановна 1909 г.р., Муконина Мария Макаровна 1912 г.р., Нестерова Матрена Стефановна 1916 г.р., в Дерезовке - Бунеева Пелагея Антоновна 1914 г.р., В Нижнем Мамоне - Шаталова Татьяна Семеновна 1914 г.р., Фатеева Татьяна Сергеевна 1912 г.р., Колесников Павел Иванович 1902 г.р., Дмитриенко Мария Ивановна – 1914 г.р.; в Русской Журавке - Абакумова Вера Сергеевна 1918 г.р., в Осетровке – Сараева Варвара Григорьевна 1910 г.р. Огромная им благодарность, а так же участникам бытовых фольклорных ансамблей за память, за готовность поделиться своими воспоминаниями, за любовь к народным обычаям и песням.

По крестьянским представлениям, свадьба – важнейшее событие не только в жизни двух породнившихся семей, но и всей общины, поскольку без ее санкции брак считался как бы недействительным. Поэтому свадьбу вынуждены были справлять даже бедные семьи. Именно общинные представления и взгляды на брак формировали и удерживали в строгом соответствии традиции многодневный многоэтапный свадебный спектакль, в котором каждый участник хорошо знал и исполнял доставшуюся ему роль.

Основная функция не только русского, но и любого традиционного свадебного обряда - утверждение обществом новых социальных ролей, которые принимают на себя вступающие в брак и признание ими определенных обязательств перед обществом и друг перед другом.

Свадьба относится к обрядам перехода, а обрядовые действия составляют три комплекса, соответствующие трем периодам или фазам. Первая - фаза приготовления и отделения жениха и невесты от группы холостой молодежи, затем невесты - от своего рода. Первый этап свадьбы включает в себя сватовство, пропой и девишник. Вторая фаза - пороговая или лиминальная, очень опасное и ответственное время для жениха и невесты, когда собственно совершается их переход в другую жизнь через временную смерть в качестве юноши и девушки. Этот период соответствует первому дню свадьбы. Третья фаза – присоединение жениха и невесты в качестве полноценных членов к общине, а невесты - присоединение к роду жениха, это новое рождение-воплощение молодых как взрослых и самостоятельных личностей. Заключительные обряды, утверждающие новую семью в глазах общины, более растянуты во времени и кое-где длятся до года, хотя интенсивность их падает к концу срока.

Предпочтительным возрастом для вступления в брак считали 17-19 лет для девушки и не моложе 20 – для парня. При этом младшую дочь нельзя было выдавать раньше старшей, а также женить младшего сына перед старшим. Невесту выбирали родители жениха, нередко без его ведома и согласия, поскольку главную роль при этом играли хозяйственно-экономические соображения. Личный выбор молодых только в XX веке стал непременным условием брака. Искали спутника в жизни только в своем селе, особенно осуждались браки межэтнические, например, между *москалями* и *хохлами* (такими прозвищами называют здесь друг друга русское и украинское население).

Родители жениха старались сначала тайком посмотреть на невесту. *«Вот там-та девка хорошая... придуть сматреть невестку в саседним доме ис-падтишка, штоба ни узнали радитяли нявесты... у ней коса – во... А ноги – уж кизяк стопчит, дак ни развалицца..»* (Козакова).

Как и повсюду, официальному *сватовству* предшествовало *предварительное* сватовство, в семью невесты посылали кого-либо из близких предупредить, что собираются к ним свататься. Только после этого засылают *сватов*.

Обычно ходили свататься 3-4 человека, в основном, мужчины - ближайшие родственники: отец жениха, крестный, старший женатый брат или дядя, реже – мать, тетка. Бывали случаи, когда для этих целей специально приглашали человека « со стороны». «У мене дядя радной был специалист высватывать, и вот к ням абазатильна абрацались...»(Колесников). Войдя в дом, сваты не переходили матицу, подчеркивая тем самым статус «чужих» людей, что свидетельствовало о цели их прихода. Разговор заводили в иносказательной форме: «Гаварят у вас телачка прадаецца? - Телачка ишию маладая. – Ничего, ана падрасстет...» (Казакова). Сваты начинали уговаривать и хвастаться – первым делом выкладывали на стол шапку жениха, которую могли и взять займы у соседей для этих целей. Выхвалялись хозяйством: «Гаварят, у нас дзве лошади...Ну а маладыи-та журибятя падрасли – эта уже чатыри...»(Колесников). Обе стороны боялись обмана: во время венчания могли переменить невесту на засидевшуюся в девках старшую дочь, или жених мог быть совсем не таким, как его описывали на сватовстве. «А винец адели на голу-ву – и никуда ни денишишся...» (Казакова).

Родители невесты, соблюдая обычай и достоинство, как правило, согласие давали не сразу, даже если семья жениха была хорошо знакома, а брак был очень выгодным, и назначали день, когда можно придти за ответом. Но зато отказ был незамедлительным и твердым. Боясь оскорбить отказом, говорили, что невеста *годами не вышла*, что не готово приданное, что отдадут только после старшей и т.п. На заключительное сватовство или как здесь его еще называют – *договор* (Казакова), *сговор* (Колесников) - сваты приходили со своей выпивкой и закуской – все заворачивали в вышитую скатерть. «Пришли пагаварить, винца папить, да с вами парадница» (Нестерова). Получив согласие родителей невесты, все молились Богу, затем отец жениха доставал принесенный с собой хлеб и всем давал по кусочку с солью. Тут же звали невесту «на погляд», она кланялась и должна была дать согласие на брак. Выпивали по рюмке – не больше. Если со свадьбой торопились, то тут же и договаривались о сроках *пропоя* и свадьбы. И хотя песни на сватовстве не пели, в этом случае могли заиграть те, которые обычно исполнялись на *сводах* и *пропое*. «Приидуть, пасватають, дагаваряцца, садяцца за стол и играють эту песню: Беленький мой ляночик, ды навей витярочик...»(Нестерова). Играли так же и обычные застольные: «Сабрали ложки-тарелки, дайтя на чарки гарелки, слаткава меду на стакану...» (Колесников).

Если свадьба устраивалась по полному чину, то *договор* назначали на отдельный день – примерно через неделю после заключительного сватовства. На этом сходе ближайших родственников с обеих сторон решались организационно- хозяйственные вопросы: оговаривали количество приданного, назначали день *пропоя* и свадьбы, договаривались о том, сколько дней будет продолжаться свадьба, количество гостей и пр. Как правило, в крестьянских семьях за дочерью не давали в приданное землю, скот, деньги. И только если девушка слыла некрасивой, глупой, бесчестной или была единственной дочерью в зажиточной семье, жених мог рассчитывать на богатство своей невесты.

Приданное определялось не недостатком, а традицией: невеста должна была иметь сундук с постелью, одежду праздничную и для повседневного ношения, утирки и праздничные рушники для убранства дома, подарки для своих будущих родственников. Но главное - невеста собственноручно готовила свадебную одежду для жениха – рубаху, порты, пояс, носки, кисет. Каждая мать учила дочерей с детства ткать, шить, вышивать – готовить самим себе *приданное*. Девушке на *выданье* родители справляли шубу и сапоги. Если этих вещей еще не приобрели, старались взвалить такие большие расходы на семью будущего

мужа. «Ани говорят: да ана у нас ишию маладая, у нас шуба пиряшिताя, то исть ис старья...у нас сапаги – вытюшки есть, а крюкавых нет... крюкавыи – ни атрязныи, цельныи. А жаниховы радитяли: эта нам труднавата будя – и шубу, и сапаги... Невестины: ну, глядитя, мы приданая даем на три года...» (Казакова).

Вот перечень того, что должна была иметь невеста в своем сундуке. Шуба дубленая или шуба с *костыликами* (вставками на боках), шуба *перешитая* (крытая сукном); *поддевка* суконная, *поддевичка*, *корсет* из домашней тканой шерсти, *корсетик*; юбки - *штохвенная* (из штофа – плотного шелка), *поплиновая*, шерстяная со *звездочками* (с вышитыми узорными фигурами), шерстяная однотонная; рубахи –вышитая, *кумашная* (из красного сатина), кисейная, холстинная; *кухайки* или *фуфайки* (жилеты) – атласная, плисовая, суконная, *манчестеровая* (из тонкого сукна); платки - *гарнитуровый*, *храницузский*, ситцевые; шали; обувь – валенки новые белые и черные, *подшитые* (для работы во дворе), сапоги – *вытяжки*, *крюковые* (то есть цельные со сборками), *черевики*, вязаные носки. Кроме того – постель: *дерюжки* (вместо одеяла) – валяные и тканые, простыни 3-4, подушки, холсты (количество доходило до 100), утирки, *смотровые* (вышитые) рушники, *настольники* (скатерти).

Просватанная девушка больше не вплетала ленту в косу, а покрывала голову платком. Она освобождалась от всех домашних дел, шила, вышивала, раздавала работу подругам домой, чтобы успеть приготовить к свадьбе все необходимое.

Следующий обязательный момент предсвадебного действа – это осмотр родителями невесты подворья жениха, которое здесь называют *смотреть кочергу*. В буквальном смысле, войдя в дом, гости в первую очередь брали в руки *кочергу* (рогач) и заглядывали в печь, даже если она не топилась. Это знак особого доверия гостям, раз они допускались к святым святым – семейному очагу, почитаемому с языческих времен как своеобразный домашний алтарь. Родственникам невесты показывали хозяйство и дом, где предстояло жить молодым. Особое внимание обращали на развешенные в доме старшей снохой праздничные или *смотровые* рушники – ведь молодая невестка должна была накануне свадьбы завесить их своими! Затем хозяева обязательно приглашали всех к столу. Но и после этого свадьба могла расстроиться, хотя старались не допускать такого поворота - позора перед всей общиной. Лишь только после *пропоя* решение о свадьбе уже не имело обратной силы.

Пропой устраивали в доме невесты, куда на большое и шумное застолье съезжались для более близкого знакомства родственники с обеих сторон – человек 20-30. Это обязательный эпизод свадебного обряда, сохранившийся и до наших дней. Но в отличие от современных обычаев, в старину не приглашались на пропой ни жених с невестой, ни их подруги и друзья.

В начале XX века, когда патриархальные устои стали разрушаться, повсеместно на юге России распространился обычай досвадебного официального знакомства жениха и невесты, – так называемые *своды* или *сводушки*. В мамонской свадьбе *своды* чаще всего соединялись с *пропоем*, реже – с *договором*. На сводах вступающие в брак получали коллективное благословение. Молодых вызывали к гостям, ставили рядом, поочередно спрашивали согласия на брак, благословляли, подносили им квас, но за стол не усаживали, поскольку их еще не считали полноценными членами общины и относились так же, как к детям. Стол накрывали сообща – женихова родня приносила и холодец, и кур, и пирожки. Уже на сводах невеста и жених должны были назвать в присутствии всех гостей своих новых родителей *матушка*, *батюшка*.

С пропой начинали звучать свадебные песни – в первую очередь те, которые рассказывали о символическом знакомстве жениха и невесты как событию, предопределенном са-

мой судьбой. Символом жизни-судьбы в фольклорной картине мира песенных текстов выступает сад.

Уж вы, садья, маи садья – винаградья

(Осетровка);

Уж вы садики, садики, вы садья маи зиленаи,

Вы калодязи глубокаи...»

(Дерезовка).

Как и повсюду на юге России, в текстах свадебных песен жених и невеста впервые встречаются у колодца, который является поэтическим символом-предвестником замужества. Не случайно во время святочных гаданий девушки под подушкой выкладывали из спичек колодец и загадывали, чтоб во сне увидеть своего суженого - того, кто придет за водой. *Пропойными песнями* как бы припевали молодых друг к другу:

Ой, Марьюшка воду нося – карамысельца гнуцца,

Э ой лели, лели, карамыселица гнуцца.

Иванушка в акно смотря – у яво слезы льюцца»

Э ой лели, лели, у яво слезы льюцца.

(В.Мамон).

На *пропое* назначали день свадьбы. Обычно играли свадьбы осенью после завершения полевых работ, начиная с Покрова дня и до начала филиппьевского (рождественского) поста или зимой от Крещения до масленичной недели, – то есть в осенний или зимний мясоед. Иногда – на Красную горку, и никогда – в пост, на масленицу и летом.

Нельзя было назначать свадьбу на субботу: *«Васкрисення с панидельничкам, вторник - с сирядою, четверг – с пятницей, а субботушка - сиротушка, вдовушка-день, на ние ни женяцца, толька сны сбываюцца...»*(Казакова).

Накануне свадебного дня обязательно устраивали в доме невесты *девишник*, а в доме жениха – *вечерину*. По сути *девишник* и все утро свадебного дня до отъезда невесты с родного подворья – это ритуал похорон девичества. Обрядовая сущность прощания обнаруживается более всего в специальных так называемых прощальных песнях подруг невесты, в плачах и причитаниях самой невесты и ее матери. Веселые песни считались абсолютно неуместными, даже если невеста выходила замуж по любви в желанную семью. Невеста прощалась не только со своей девичьей волей, подругами, но и родным домом. Чем большее свое горе она высказывала, тем большее почтение к родительскому дому это символизировало. Подружкам положено было приходиться на *девишник* со своими блинцами – традиционной поминальной едой, поскольку невеста хоронила девичество, расставалась со своей волей навсегда. *«Пад свадьбу у нивести – девки, падруги, какия раньша памагали вышивать... делали дявишник и принасили сваи блинцы»* (Колесников).

Старшая дружка (любимая подружка невесты) собирала всех подруг и приводила в дом невесты. Обязательно приглашали незамужних девушек - близких родственниц жениха. Девушки обязательно подвязывали вместо *завесок* (фартуков) вышитые рушники как знак далекой долгой дороги, разлучающей их со своей подругой и шли с обрядовой песней посередине улицы рука об руку, подчеркивая ритуальный характер шествия:

Вы куры, куры, ранни кочеты,

У ладо ладо, у ладонь мое...

(В.Мамон, Н.Мамон, Осетровка).

До сих пор местные жители помнят, что припев *«ладо, ладо»* поется только невинным девушкам. Потерявшим целомудрие свадьбу играли по неполному чину, нельзя было исполнять некоторые песни, в том числе и эту. Пение сопровождалось редкими ударами по лезвию зажатой в руках косы деревянной палочкой, и этот звон символизировал набат, со-

бирающий всех в минуты приближающейся беды. «*Эта называица – хадить с касой*» (Нестерова). «*Сичас с касой ходят очень редка, и то адни старики*» (Казакова).

У невесты девушки забирали узел с венчальной одеждой жениха и отправлялись к нему в дом *продавать рубаху*. У порога они вызывали его величальной песней: «*Иванушка – гаспадин, гаспадин*» (В.Мамон, Н.Мамон, Осетровка). Выходили родители с хлебом-солью, а так же жених с *дружкой*, но торги вести не имел права – все переговоры и действия на свадьбе от имени жениха вел *дружка*, а от имени невесты – ее подруги и крестная мать. Бессловесность главных персонажей объясняется их неопределенным статусом: они находятся, как бы между мирами – умирают в своей прежней жизни и ожидают нового рождения в другом качестве.

Выкуп за рубаху девки оставляли себе. Хозяева с песней «*Ой, что у нас во садике шумела*» обязательно их приглашали в дом, угощали, после чего они вновь отправлялись – иногда с парнями – к невесте, где сидя за столом, играли прощальные песни:

*Сборы, сборы Натальины,
Да обрала падружак к батюшки в дом,
Да пасажала всех их за стол,
Да сама села выша усех,
Кланила галовушку выша усех,
Думала думушку больша усех,
Да как мне, маладой, к венчанью итить,
Да залатой винец палучить...*

(В.Мамон, Н.Мамон).

Невеста, одетая очень просто, иногда – «в *горючем*», обязана была *голосить* (причитать на специальный напев), но если не умела, то плакальщицу не приглашали, как в некоторых других местностях.

На ночь укладывались все здесь же, на полу, но невеста спала отдельно. По местному мамонскому обычаю полагалось подругам невесты и золовкам драться в темноте, причем обязательно делали фаллический символ жениха, на что информаторы особо обращают внимание: «*Затем стелят постель, все лажаица...Заловки и падрушки нивесты дярутся...Дярутся шутя, хатя и астаюица синяки...Нивеста спит атдельна... Жаних – астаеица и не астаеица: девки паложат картошку в чулок и начинают бить, в каго пападуть*» (Казакова). Считалось, что так девки быстрее выйдут замуж. С другой стороны – это, вероятно, символизировало борьбу за волю: невестину отстаивали подружки («*шуб ни абижали нашу падрушку*»), а будущего мужа – золовки («*мы ей пакажем, научим*» – Казакова).

Утром свадебного дня подружки будили невесту песнями:

*Да зиму-лета сасенушка да зилена,
Ой, зилена, ой, зилена.*

*Да у субботу да русу косу гладила,
Ой, гладила, да гладила.*

*А в васкреснай день к венчанью шла – плакала,
Ой, плакала, да плакала...*

(В.Мамон, Н.Мамон, Осетровка).

Невесту одевали в темную вышитую юбку, белую кисейную рубаху, завеску, гарнитуровый платок Любимые подруги маслили и чесали волосы. «*Старший брат – он дымку на*

ее накид'вая, ана галося...»(Шаталова). При расчесывании косы невесте подружки обязательно заводили «Реку»: девушке с живыми родителями играли «Реку медовую», а для сироты существовал другой вариант, отличающийся напевом и текстом. Причитание невесты-сироты при этом отличается очень устойчивыми текстовыми формулами, что не характерно для юга России, поскольку плакальщицы слагают текст почти всегда спонтанно.

Прощаясь с родителями, невеста, поддерживаемая подругами, падала перед ними на колени на расстеленную мехом вверх шубу, и причитала:

*Бласлави, мене родная матушка,
Бласлави ты, родный батюшка,
На Божий сут пайти,
Божий винец принять...*

(Бунеева, Дерезовка)

*Ой, да благаслави меня, мой батюшка,
Ой, да благослави маю жисть,
Ой, да вы праститя меня за все маи грехи,
Можит быть, я вас кагда-нибудь абидила,
Можит, кагда я вам груба сказала...*

(Казакова, В.Мамон)

Затем невеста целовала икону, которой мать трижды крестила дочь, и хлеб у отца на руках. Родители тоже целовали, желали дочери счастья и заключали: «*Бог блаславляя, и мы блаславляим*». Если матери не было, за нее стояла крестная. На невесту набрасывали венчалное покрывало – *дымку* и сажали за стол. Начиная заключительный этап прощания – *сидение за столом*, в других селах Воронежской области чаще называемое – *посад*. Символика этого ритуального сидения традиционно связывается с самым трагическим моментом свадьбы – как бы временной смертью девушки-невесты. Эпизод внешне совершенно статичен – ничего как будто бы не происходит. Драматургия действия переносится в сферу музыки и поэзии: напевы-формулы, символизирующие невесту и ее окружение, сменяются напевами общины жениха. Кажется, что подруги «учат» невесту другому языку – языку рода жениха. Ярким примером песен с различной семантикой музыкального кода могут служить песни «*Ой, да перепелка наша, перепелушка*» (музыкальный знак невесты и ее подруг) и «*Былка - чернобылка*» (напев общины жениха).

Ожидая женихов поезд, играли песни «*Да брошу ключи поперек стола*», «*Из ворот ворот желтый цвет, что ж, табе, Иванушка, долга нет*», «*Вьюн на воде увивается*».

Наконец, приезжает от жениха свадебный поезд. Все информаторы сообщали, что по старинным традициям, которых они уже не застали, жених и невеста приезжали венчаться в церковь порознь и до венца не встречались. В начале XX века жених уже сам приезжал за невестой. «*Да наехали, полон двор бояр*» – с этой песней встречают *поезжан*. Начинается торг за место рядом с невестой, которое должен занять жених. «*Нявесту сажают за стол, падруг... и брат сел... каталку давають...ну, каталки - раньша лапишу раскатывали – каталки называюцца...лентай первязали и Павлику дали. Заходят – жаних прияжжся за нявестой... А вон прям бяре яво за руку... Я сястру ня аддам за так. Выкупитя у мене ее. А ани шутють: ты поляня, какая абарона? А жаниха ж нада сажать избоку...Ну, начали таргаватца: да вот чатыря угла – чатыря рубля, а пятая матица – назад ни пятицца...штоб пятерка была. Эт тады дела бальшоя была...*» (Нестерова).

Выходили из дома под песню «*Солнышко за лес закатилося*». Перед тем, как невесте сесть в тарантас, она крестилась на восток, и кланялась на все четыре стороны. А теща должна была перед отъездом подарить зятю платочек. Значимость этого момента подчеркивалась и песней «*Теща зятя доря*». Такой обычай встречается только здесь, в Верхнема-

монском районе. Вероятно, значение этого подарка символизировало передачу ответственности за судьбу девушки-невесты от родителей к будущему мужу: все слезы дочери отныне на его совести. *«Паперет ана яму перехрестя хрест-нахрест и платочкям утре...пацалуя, яму губы утре и аддаст яму платочак – зятю... А патам тада «пярэпелку» играють...»*(Нестерова). Возможно, что платочек – это поминальный дар, ведь на юге области на поминках об умершем всем родственникам и друзьям раздают платочки: женщинам ситцевые головные, мужчинам – носовые. Таким образом, теща как бы наказывает зятю: навсегда запомни, мол, какой была моя дочь до свадьбы.

По народным представлениям, невеста должна была трижды утвердиться в качестве жены: перед Богом во время венчания, перед людьми во время повивания, и перед мужем во время первой брачной ночи. Уже в 30-е годы государство активно влияло на традиционный ход свадьбы, осуждая и запрещая церковное венчание, и предлагая взамен простую регистрацию в сельсовете. Но среди сельчан брак без венчания считался неполноценным, старались обвенчаться тайно или в другом селе. После венчания жених и невеста садились в один тарантас и со всеми поезжанами ехали кататься. *«Ани сидят на падводе, перед ними крестная мать и отец... и его, и ее. Маладых вперёд ни пускали... В первай падводе кто-та другой, но ни маладыи, чтобы ни скалдавали...»* (Казакова). Катание по селу – не просто развлечение, оно имело ритуальный характер, поскольку являлось своеобразной демонстрацией сельской общине новой рождающейся семьи. Катались тоже с песнями:

*Тепла вода у калодезю стаяла,
Ой, ляли, алилей ляли, стояла...*

(В.Мамон, Н.Мамон).

Наиболее важный момент свадебного действия – обряд повивания (одевания женского головного убора) совершали в доме невесты, куда приезжали сразу после венчания и катания по селу. Посмотреть, как невесту переделывают в *молодуху* приходили все, кто может, не только участники свадьбы - *поезжане*, но и соседи – *прихождяне*. Местное название обряда – *молодых оправляют*. *«Када привязуть нявесту и жаниха аправлять... ее привадили из девичьей формы в женскую»* (Колесников). Повивали *свашки* – крестные матери с обеих сторон. Сначала их песней выпроваживали из красного угла (под иконами): *«Са-шунька-гаголушка, двиньси в кут на лавочки»*. Молодых сажали за стол у *вышки* (под иконы), натягивали перед ними полотенце или покрывало *от сглаза* и просили благословения *повить молодых* - у родителей, *дружки* и *полдружки*, всех *честных поезжан*, на что полагалось отвечать: «Бог благословляет, и мы благословляем».

Повсеместно в Воронежской, Белгородской области во время повивания исполнялась песня *«Затрубили трубушки рано по заре, заплакала Марьюшка по своей косе»*. В мамонской традиции эта песня сохранилась плохо, удалось записать лишь отдельные текстовые фрагменты от 85-90 летних информаторов. Обычно здесь на повивании играли ту же песню, что и при расчесывании косы у невесты перед отъездом к венцу:

*Да хадила козушка на расе,
О ладо, ладо, по расе.*

*Да плакала Марьюшка на касе,
О ладо, ладо, на касе...*

(В.Мамон, Н.Мамон, Осетровка, Дерезовка)

Невесте, которая до свадьбы носила одну косу, расчесывали волосы и заплетали 2 косы – символ того, что теперь над ней две воли – своя и мужа. Отныне она не имела права показывать волосы никому, кроме своего супруга. Оказаться простоволосой, непокрытой перед людьми или даже перед членами семьи, например, свекром, считалось величайшим

стыдом и позором. В праздники замужняя женщина надевала *кокошник с позатыльником*, в будни покрывала голову платком. «*Невеста не даецца, особенно када на нее адивають какошник. Спецiальна поддевала пальцем, чтоб слетал какошник*» (Казакова). Невеста уже не причитала, а только плакала – *ухала*. «*Эта нявесту аправляють, ана кричить – ухая...Да ише вазьме – какошник скиня...*» (Копенкина). Мамонский *кокошник* по форме представляет собой твердую шапочку из позумента с чуть скошенным на затылке углом. Виднеющиеся из-под него сзади и сбоку волосы прятались под *позатыльник* - полосу бархата, украшенную блестками и вышивкой *золотными* нитями.

Жениху так же расчесывали волосы и смазывали их маслом. Молодых не открывали для всеобщего показа, пока свашек не одарят деньгами или вином, после чего новобрачных посыпали на счастье сухими шишечками хмеля, пшеном, зерном, деньгами и играли особые припевки:

*Да не так снарядили,
Да не так снарядили, как девки хадили.
Мы так снарядили,
Мы так снарядили, как бабы хадили...*

(В.Мамон, Н.Мамон, Осетровка, Дерезовка, Русская Журавка)

На свадебный *венчальный* пир все отправлялись в дом жениха. Молодых увозили с песней «*Катилася колясочка с заморья*».

У ворот женихова двора неприглашенные на свадьбу соседи-*прихождяне* натягивали на пути молодых веревку и требовали выкуп за дорогу вином или деньгами. Песней вызывали на крыльцо родителей жениха: «*Прихождяне тут больна играют, зарабатывают сабе капейки*» (Нестерова).

*Ой, матка-саколка,
Ой, матка, саколка, глянь-ка у вакошка.*

*Твой сын-сокал едя,
Твой сын-сокал едя, вязе саколушку...*

(В.Мамон, Н.Мамон, Осетровка, Дерезовка).

Первыми встречались крестные матери с обеих сторон, они обменивались караваем. «*И вот ани три раза падымают и кто первый поставит каравай сверху, тот и глава семьи*» (Казакова). Перед молодыми разметали веником дорогу, на крыльце стелили новый холст, как знак чистой дороги и вывороченную мехом вверх шубу, как знак богатства. Так же, как и в доме невесты, мать жениха стояла с иконой, отец – с хлебом-солью. Невеста кланялась в ноги, целовала икону, молодые должны были обязательно попробовать *хлеба с солицей*. Войдя в дом, украшенный вышитыми невестой рушниками и развешенными только что, молодых усаживали ненадолго в святой угол под иконы, разламывали у них над головой *каравай*, кусочек которого должен был каждый унести с собой. Обрядовые действия с хлебом, особенно в свадьбе всегда связывались с идеей благополучия, достатка, с идеей наделения долей. Молодых начинали величать:

*У Николая за столом два цвяточкя расцвяли.
Первый цвет – калиновый, другой цвет – малиновый,
Первый цвет-то – Марьюшка, другой цвет - Иванушка...*

(В.Мамон, Н.Мамон).

Молодым не полагалось сидеть вместе с гостями за столом – их кормили отдельно. «*Абыграли маладых и уводяць в другую комнату, штоб их не видать*» (Нестерова). Так же не полагалось и девушкам сидеть со всеми за столом – их кормили еще до приезда молодых: «*так делали для таво, чтоб девка и кваса ни выпила...ани астаются, смотрят, пают*»

(Казакова). Если гостей было много, то сначала кормили невестиных родных, потом сажали жениховых. К столу подавали сначала квас, затем дружка разрезали пирог с капустой и картошкой и раздавал каждому по куску. Он же делил и жаркое – целого поросенка, целого гуся или утку. Готовили *узвар* – компот из вареных сушеных фруктов.

Каждого гостя положено было обыграть. После величания молодых, первого обыгрывали дружку: «*Ох, не бушуй, ой, не бушуй ты, буен ветер*». Затем всех гостей попарно такими песнями как «*У нас по погребу боченочек катается*», «*Ходит голубь по столу*», «*Виноград по горам растет*» (В.Мамон). Неженатому брату играли «*Березничек листоватый*» (Н.Мамон), вдовцу – «*Ой, что ж ты, гусак, на море один*» (Дерезовка) и другие. Песенницы выпрашивали вознаграждение, для чего каждому подносили квас и пели припевки:

*Валентина Ивановна, абернись к нам лицом,
Вот табе чарочка с винцом...*

*Падари, Валентинушка, падари, Иванавна,
Ни рублем – палтинаю, залатою гривнаю...*

(В.Мамон, Н.Мамон).

На *дары* молодые вновь выходили к гостям. Сначала всем присутствующим показывали содержимое сундука с приданным. Затем невеста дарила свекрови и свекру по вышитой рубахе, остальным родственникам жениха подарки попроще – холсты, утирки, платки. Невеста обносила всех гостей квасом. Молодых заставляли целоваться: говорили, видели, мол, как голуби целуются, а вы нам не покажете? Если гостю показалось, будто в стакане с вином плавает волокно, это так же означало, что молодые должны поцеловаться. Спрашивали жениха: «*А ты не знаешь, Ванюшка, как косарь косит? – Он ие обымаит. А как вязалка вяжит, Марьюшка? – Ана его абымаит.*» (Казакова).

знаком к окончанию застолья служила *каша*: ее подавали последней, потому она называлась *разгонщица*.

Постель молодым устраивали сват и сваха в *пуньке* (неотапливаемой пристройке к сараю или хлеву). Видимо, в этом проявляется не только желание оставить молодых наедине, но и магическая вера в то, что плодovitость и выносливость домашнего скота передастся и молодым. «*Пастель абкатывали ... ат ние сваика, ат ниво – сват...ложились, а вы смотрите, как нада*» (Казакова). Провожал молодых к постели дружка со словами: «*На первую ночьку – сына или дочку*». Невеста должна была обязательно сама снять с мужа обувь в знак покорности – этому накануне учили ее пожилые женщины.

Утром молодых будили сваты песней:

*На море калинушка стояла,
А Марьюшка по бережку гуляла,
Ой, лели лели, калинушку ламала...*

(В.Мамон)

В старину освидетельствование молодой было обязательным. «*Вот калинушку ламали – эта инасказательна...что ани там ламали и пачаму калинушка красная. Вынасили рубаишку ее. Мы этава ни захватили... Уж за сталом сидели, утрам, гульба прадалжалась – кресная вынасила рубаху, и если там ни единава пятна, то пазор этой нивесте на всю жизнь. Но муж ее ни брасаит...*» (Казакова). Тут же били горшки в знак утраченной невестой невинности. Обычай освидетельствования молодой вообще у русских встречается довольно редко, в основном под влиянием традиционной украинской свадьбы. В мамонскую традицию он попал, видимо, из соседнего Богучарского района, где живут украинские переведенцы-хлебопашцы. Калина как символ девичьей чести встречается и в песнях, и в действиях. Например, во многих селах со смешанным русско-украинским населением

калиной украшали свадебный стол, каравай, на второй день ягоды калины обрывали и бросали в бутылку с водкой.

Обязательным было и испытание молодой. Она убирала черепки от горшков, подметала избу, ее несколько раз посылали за водой, причем воду она должна была принести из разных колодцев. Испытывали на честность – разбрасывали деньги по полу и ждали, вернет ли их молодая *сноха*, или оставит себе.

На второй день *молодайка* убиралась в праздничный *снаряд*: вышитую рубаху, *штоховую* юбку, плисовую *куфайку*, *кокошник*. Родные невесты и гости шли по улице *с беседой* дом жениха *искать пропажу*. Все участники рядились в цыган, солдат, докторов, вывороченные шубы, мазали лицо сажей, мукой. Шли с песнями, гармонью, пели непристойные частушки.

Сколько бы ни длилась свадьба, заключительный обед всегда был в доме, где живут молодые. «*Извеку последний абед был у жаниха, а шшас набарот*» (Нестерова).

Всю неделю после свадьбы, как и повсюду в южнорусских селах, участники свадьбы могли гулять попеременно в нескольких домах: ближайšie родственники *брали в гости*.

Анализируя полевые записи, следует обратить внимание на вариативность свадебных обрядовых действий. Речь идет о нестрогой регламентированности свадебных картин в целом, сценарии свадьбы, а не о присущей любому фольклорному явлению импровизационности как способу воплощения типического. Так, например, не имеют четко закрепленного места в свадебной игре *своды*, не разделяются этапы *сватовства*, исчезает *договор*. Вероятно, ход традиционной свадьбы всегда корректировался в зависимости от жизненной ситуации и конкретных обстоятельств, складывающихся в желающих породниться семьях.

Некоторые информаторы путаются, противоречат сами себе, не считают существенным перестановку в последовательности действий, спорят друг с другом о приуроченности свадебных песен к определенным моментам. Это объясняется неизбежными различиями в исполнительских версиях свадебного спектакля для каждой «улицы», отчасти забывчивостью носителей традиции, но, прежде всего - разрушенностью самого обряда, тенденцией к его упрощению и сокращению. За всем этим стоит стремительное ослабление магической функции обрядовых действий, а в целом – усиление игрового начала, преобладание эстетических критериев в выборе ритуально-игровых моментов действия в качестве стабильных элементов обряда.

Среди городской молодежи в крупных областных городах в настоящее время широко исповедуется необязательность свадьбы и даже брака. В сельской местности это невозможно. Свобода добрачных отношений молодых, разумеется, внесла коррективы в ход свадьбы. Но до сих пор обязательными эпизодами свадебной игры в селах Верхнемамонского района остаются сватовство, пропой, девишник, прощание невесты с родительским домом, катание молодых, свадебный пир у жениха, гуляние ряженных на 2 день свадьбы, ответное свадебное застолье у невесты на 2 или 3 день. Правда, необходимость и целесообразность некоторых свадебных обычаев сегодня воспринимаются по-другому: как дань традиции, как яркое запоминающееся для всех зрелище. Торжественная регистрация молодых пар проводится в районном Дворце культуры, местный фольклорный ансамбль во время церемонии исполняет местные свадебные песни.

И все же магия свадебного действия сохранилась и в современной свадьбе - в представлениях сельчан: чем многочисленнее свадьба, чем больше в ней традиционных моментов, тем сильнее будет ответственность новобрачных за крепость рождающегося семейного союза.